
Алексей Аржанов
Виктор Молотов
Том 10
Друид
Грозовой цвет

Виктор Молотов

Друид. Том 10. Грозовой цвет

«Автор»
«Автор»
2026

Молотов В.

Друид. Том 10. Грозовой цвет / В. Молотов — «Автор», «Автор», 2026

Тридцать лет я вырубал деревья и сколотил на этом целое состояние. А потом одно из них упало мне на голову.Очнулся после смерти в теле молодого дворянина в Российской Империи, где магия — это реальность. И теперь я друид. Последний в своём роду.На меня повесили большой долг. По соседству живёт граф, который спит и видит, как бы забрать мои земли.С другой стороны — Поволжская аномалия, которая обращает моих зверей в чудовищ.Что ж, я не первый раз начинаю с нуля. Насчёт бизнеса в лесу уже есть идеи, а вот с аномалией приётся повозиться! Ведь, чтобы выжить, я должен защищать сто пятьдесят гектаров леса, который чувствую как собственное тело.

© Молотов В., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Виктор Молотов, Алексей Аржанов
Друид. Том 10. Грозовой цвет

Глава 1

К ключу за купальнями мы с Лизой шли по тропе, которую за ночь замело почти до колена. Тулуп я распахнул ещё на крыльце: в своём лесу мне и в мороз было тепло, а настроение с утра стояло отличное.

– Проверим, не нуждаются ли казённые люди в чём-нибудь по хозяйству, – сказал я Лизе. – Соседи всё-таки.

– Соседи, – фыркнула Лиза и поправила платок. – Сева, они у тебя ключ как-никак отобрали, а ты улыбаешься, идёшь.

– Отобрали они по бумаге, – согласился я. – Бумагу я им и не возвращаю.

С пригорка над просекой открылся вид на ельник, и Лиза остановилась первой. Из-под еловых лап на просеку выползал казённый обоз, лошади шли в мыле, а возницы брели рядом с ними, держась за оглобли. Маги сопровождения тоже не выглядели довольными.

Полозьев у саней не было, их срезало под самое днище, и сани волокли по снегу брюхом, а в них бренчали пустые бочки.

– Вышли, называется, из леса, – Лиза прикрыла глаза ладонью от снежного блеска и усмехнулась.

– Опять? Раненые есть? – нахмурился я.

– Не вижу. Возницы на ногах, лошади целы. Полозья опять срезаны. Бочки сломаны. – Она покосилась на меня. – Как ты велел после того случая, ни капли крови.

– Хорошо.

Три дня назад одна казённая партия решила обойти мой лес по ничьей полосе, краем аномалии, и наткнулась на тамошних тварей. Думали, что там им будет проще. Троих принесли обратно на руках, а снег на кромке до сих пор лежал бурыми пятнами.

Мой лес людей не трогал и трогать не должен был. Дерево, напившееся человеческой крови, обращается в чудовище, и цена у такой победы вышла бы непомерная. Поэтому приказ я отдал простой: путать и ломать казённое имущество, но людей не ранить.

Правда, когда люди пускали в ход магию, особенно огонь, приходилось вертеться. И чаще всего лес прибегал к сон-цветам, а затем закидывал очаги пожаров снегом.

Летом так не получится, но что будет с наступлением весны, думать не хотелось. Хотя надо.

– Сани ведь ещё привезти надо, – Лиза загнула палец. – Потом собрать. А летом им понадобятся телеги, их твой лес тоже разберёт.

– Летом посмотрим, насколько его хватит, – ответил я, думая о том, что до лета надо ещё продержаться.

А желательно вернуть их и на бумаге ещё раньше. Только как?

– Ему восемьдесят четыре года, Сева. Ты его так до удара доведёшь, – продолжала Лиза. – Надеюсь.

– Удар его хватит и без моей помощи, – ответил я. – Я тут ни при чём. Лес по бумаге не подчиняется, Лиза. Он слушается лишь крови.

Лиза хмыкнула, только глаза у неё смеялись. Каждая сломанная тут рама радовала её больше, чем меня, и спорить с этим я не собирался.

Для меня это значило, что у Ржевуцкого кончается терпение. А старики, потерявшие терпение, начинают делать глупости, которые обходятся дорого всем вокруг.

Уже на подходе к лагерю Лиза взяла меня под руку и спросила совсем тихо:

– Неужели они совсем ничего не могут сделать?

Пару способов я перебрал в уме ещё неделю назад. Отвечать здесь, в ельнике, где за каждым стволом мог стоять казённый человек или артефакт, мне не хотелось.

– Не здесь, – сказал я.

После трости Гладышева я перестал доверять даже стенам собственного кабинета. Лиза про трость знала и только кивнула.

Казённый лагерь Учёного комитета стоял на поляне у ключа, под тремя засохшими берёзами. Палаток было с десяток, серых, с медными табличками на растяжках, и над каждой поднимался сизый дымок.

Дрова для костров казённые люди привозили свои: мой лес рубиться не давался.

Лаборанты в столичных пальто жались к кострам и тёрли покрасневшие глаза. Спали они, судя по лицам, урывками, и каждый треск в ельнике заставлял их вздрагивать и оборачиваться. Я впервые видел людей, которые боялись… леса.

У палатки старшего партии лежала аккуратная куча медных колышков, сложенных ровным шалашиком. Вечером колышки вбивали вокруг ключа, а к утру корни выталкивали их из мёрзлой земли, и зазимки собирали их в кучку.

Самих зазимков лаборанты ни разу не видели, им хватало и одного шалашика по утрам.

У ближнего костра молодой лаборант дул себе на руки, и пальцы у него были белые, с синевой у ногтей. Лиза отпустила мой локоть и пошла к нему прямо через сугроб.

– Покажите руки, – велела она.

– Сударыня, я... – лаборант оглянулся на палатку старшего.

– Руки, – повторила Лиза и сама взяла его ладони в свои.

Из палатки вышел старший, сухой человек с жёлтыми от табака усами, и остановился, увидев её.

– Сударыня, посторонним в лагере находиться не положено, – сказал он.

– Отморозить пальцы тоже не положено, – ответила Лиза, растирая лаборанту руки. А затем влила в них немного своей магии. – А он отморозил. Вы у себя в столице так людей бережёте?

Старший пожевал усами и ничего не ответил. Лиза достала из кармана шубы баночку с гусиным жиром и толчёной ромашкой, натёрла лаборанту пальцы и замотала их его же шарфом.

– К вечеру отойдёт, – сказала она парню. – К костру близко не суйте, кожа слезет.

– Благодарствую, – прошептал лаборант и покосился на старшего.

Старший к тому времени уже отвернулся к раме. Складная рама из крашеного дерева стояла посреди поляны на треноге, и двое лаборантов затягивали на ней последние винты.

Возле неё на снегу ждал курьер с ящиком кристаллов за спиной и с флягой в руке. Флягу набрали из ключа, и один я знал, что в этой воде плавают водоросли, слишком мелкие, чтобы их разглядеть.

– Готово, Аристарх Львович, – доложил один из лаборантов.

– Пускайте, – велел старший.

Внутри рамы загорелся ровный белый свет, и курьер шагнул к нему, прижимая флягу к груди. Нога его ещё не успела опуститься по ту сторону, когда крашеное дерево затрещало.

По планкам побежали трещины, и из сухого дерева со свистом выстрелили зелёные побеги. Побеги ветвились прямо на глазах, раздирая раму изнутри, пока та не разлетелась на куски горящей щепой.

Курьера отбросило в сугроб, и кристаллы из раскрытого ящика рассыпались по снегу. С еловых лап над поляной разом сорвался снег и засыпал лаборантов по самые плечи.

Фляга у курьера в руке лопнула от удара о наст. По снегу растеклась вода, и снег вокруг лужи на миг позеленел и тут же погас.

Водоросли в ключе получили от меня простой наказ. Впитать из воды столько силы, сколько смогут, и держать её, пока они в родной воде. Едва их выносили за пределы леса, вся сила выходила из них разом и била по всему, что рядом.

Ближе всех к ним всякий раз оказывалась крашеная рама.

– Шестая, – сказала Лиза вполголоса и закусила губу, чтобы не рассмеяться. – Каждая ведь стоит целое состояние.

– Седьмая, сударыня, – отозвался старший, не оборачиваясь. – Шестую вы вчера проспали. Вы бы шли отсюда.

Курьер выбрался из сугроба, отряхнулся и долго смотрел на дымящиеся обломки. Потом молча поднял пустую флягу без донышка и сунул её за пазуху.

У костра на дальнем краю поляны сидел мужик в армяке и ел кашу из котелка. Его, васильевского мужика, казна наняла возить бочки, и вчера он правил головными санями обоза.

– Здорово, Митрофан, – сказал я, подходя. – Как съездили?

Мужик отставил котелок, приложил руку к груди и забормотал молитву Житеню, глядя мимо меня в ельник.

– И не спрашивайте, барин, – выговорил он наконец. – Восемь часов по тракту ехали. По прямому, как стрела! А к ночи гляжу, мы опять у ваших конюшен.

– Может, свернули где не там?

– Да где ж там сворачивать, барин! Там одна дорога! – Митрофан понизил голос. – А посреди дороги лось. Ростом с избу, Житнем клянусь, с избу! Глазищи зелёные, светятся. Встал поперёк и стоит. Мы его объезжать, а он опять поперёк.

– Беда, – сказал я сочувственно.

– Беда, барин. Я ведь тридцать лет вожу, такого не видал.

Лиза отвернулась к ёлкам, и плечи у неё мелко затряслись.

– А бочки? – спросил я.

– Бочки целы, барин. Только пустые. Вода в них к вечеру вся вытекла, а щелей нету. Сам смотрел.

Полог главной палатки откинулся, и на поляну вышел Ржевуцкий.

В столице, у камина в моей гостиной, он выглядел лет на шестьдесят и ступал легко. Сейчас передо мной стоял багровый от мороза старик, и седая бородка у него заметно поредела.

Я потянулся к нему вторым зрением, не подавая вида. Чужие годы держались на нём заплатой, и швы по её краям расползлись широко, а подпитывать их здесь было нечем. Руки в перчатках у него мелко дрожали, и он сцепил их за спиной, чтобы этого не было видно.

Ржевуцкий окинул взглядом обломки рамы и рассыпанные кристаллы, а потом увидел меня.

– Дубровский, – сказал он, даже не поздоровавшись. – Если так продолжится и дальше, я буду вынужден доложить государю.

– Доложите, Юлиан Казимирович, – ответил я самым вежливым тоном, какой только нашёлся. – Только что именно?

– Вы прекрасно знаете что.

– Право, не знаю. Вы привезли повеление, я его принял. Ключ ваш, вода ваша, лес ваш. Я даже в купели не захожу, вы их сами опечатали.

Этот спектакль я играл уже неделю, с тех пор как убедился, что лес и Исток остались моими, какую бы бумагу ни подписали в столице.

Санаторий, кстати, за эту неделю забился под завязку. Дворяне со всей губернии ехали не столько лечиться, сколько посмотреть, как казна воюет с лесом, и уезжали очень довольными.

– Вам лучше начать оказывать содействие, барон, – Ржевуцкий шагнул ко мне по снегу. – И усмирить свой лес. Моё терпение не безгранично.

– Помнится, неделю назад вы говорили со мной совсем иначе, – сказал я. – В столице вы были так рассудительны, что я и помыслить не мог, будто вы умеете повышать голос. Неужели вас довёл лес?

– Я уверен, что это не лес, – сказал он. – Это вы.

– Смею вас огорчить, Юлиан Казимирович. Я друид, но не настолько сильный, чтобы отдавать приказы всему лесу разом. Вы ведь сами видите, что здесь происходит. Будь это моих рук дело, вы бы меня давно заковали в кандалы. Бумага у вас есть, исполнитель тоже.

– Исполнитель, – повторил Ржевуцкий и поморщился. – Граф Бойков исполняет высочайшие повеления со скоростью черепахи на льду. Ни одна моя жалоба за неделю не дошла дальше его приёмной.

– Граф немолод, – заметил я. – Здоровье, говорят, шалит. А купели закрыты…

Он долго смотрел на меня, а потом перевёл глаза на Лизу.

– Милочка, отойдите подальше, – сказал он. – Здесь мужской разговор.

– Это моя невеста, – ответил я прежде, чем Лиза открыла рот. – Она останется.

– Здесь казённая земля, барон. И распоряжаюсь на ней я.

– Тогда распорядитесь заодно лекарем, – сказала Лиза и кивнула на парня с замотанными руками. – Вашим людям за одну ночь отморозило пальцы троим, а помочь я успела только одному. Хотите, я уйду, а остальных вы полечите сами?

Ответа от Ржевуцкого не последовало, он только крепче сцепил руки за спиной. Лаборант с замотанными руками уставился в снег, а старший сделал вид, что считает какие-то рассыпанные кристаллы.

– Скажите, Юлиан Казимирович, – начал я, – сколько ваших людей сейчас в моём... простите, в казённом лесу?

– Несколько сотен, – ответил он сквозь зубы. – Большей частью маги.

– И чем они заняты?

– Прокладывают дороги.

Точнее, пытаются…

– И сколько дорог проложили?

На это Ржевуцкий не ответил вовсе, только дёрнул щекой. Над поляной снова затрещало, и все лаборанты разом обернулись к ельнику, но это всего лишь осела снежная шапка с высокой ели.

– Это война, барон, – тихо сказал Ржевуцкий. – Незримая. Ваш лес воюет с моими людьми.

– И побеждает, – согласился я. – Только разве я способен на такое? Это природа, Юлиан Казимирович. Она не хочет, чтобы её растаскивали по частям. Получить лес по бумаге ещё не значит его подчинить.

– Тогда отчего же ваша природа позволяла вашим больным купаться в купелях? – Ржевуцкий прищурился. – Отчего она не ломала им сани и не водила их по кругу, мешая попасть в санаторий?

– Оттого что купели под её присмотром. Больные воду из леса не выносят, им от неё нужно здоровье, а не прибыль. Злого умысла у них нет.

– А у меня, выходит, есть?

– Это вы у неё спросите, – я кивнул на ельник. – Мне она не докладывает.

Старик медленно стянул с руки перчатку и снова натянул её, палец за пальцем. Пальцы у него дрожали так, что попасть в перчатку получилось не сразу.

– Природа, барон, тоже кому-то принадлежит, – сказал он негромко, так, чтобы лаборанты не услышали. – Всякий лес слушается своего хозяина. А хозяева, знаете ли, тоже не вечны.

Он повернулся и ушёл в палатку, и полог упал за ним тяжело, с хлопком.

Лиза сжала мой локоть, и браслет на запястье отозвался у меня тупой ноющей болью.

Обратно к усадьбе мы шли через сад санатория, и до крыльца я успел увидеть всё, что хотел.

На двери купален висела казённая печать с бечёвкой и сургучом, и под ней мелом было выведено «для изысканий». Постояльцы ходили мимо печати и кланялись ей с самым почтительным видом.

Сухомлин поймал нас у оранжереи, раскрасневшийся и довольный, с прейскурантом в руке.

– Барон! Новые прибыли, трое из Саратова и двое из самой столицы! – доложил он. – Отсутствие купелей я теперь подаю как строгий столичный метод зимнего закаливания. Пишу в прейскурант отдельной строкой.

– Владимир Кириллович, мы же не столичные.

– Барон, раз столица у нас всё отобрала, мы теперь и есть самые столичные, – возразил Сухомлин и убежал к воротам встречать сани.

В кухонном окне мелькнул белый чепец Анфисы Мироновны. Кухарка помахала мне половником и тут же снова склонилась над котлом, где на бессолевой стол томились щи с сушёными белыми грибами.

У двери соляной пещеры банщик Ефим раздавал постояльцам талоны, сверяясь с тетрадкой, и спорил с какой-то генеральшей, что очередь у него одна для всех чинов.

– Барин, ну хоть вы ей скажите, – взмолился он, завидев меня. – Её превосходительство желают без очереди!

– Её превосходительство подождут, – сказал я генеральше с поклоном. – Соль в пещере, сударыня, чинов не различает.

Генеральша поджала губы, но талон у Ефима взяла и встала в хвост.

Уже на ступенях из тени под лестницей вынырнул Сенька, румяный с мороза, и сунул мне под тулуп тонкую тетрадь в клеёнчатой обложке.

– Журнал старшего, барин, – шепнул он. – Пока они там с рамой возились. К вечеру назад подкину, никто не хватится.

– Сирень не колется?

– Не колет уже, барин, – Сенька тронул воротник и удивлённо пожал плечами. – Привыкла, что ли.

– Это ты привык, – ответил я.

Под еловым сводом зимнего леса мы собрались, когда над санаторием уже зажгли фонари. Гордей Лукич встал у входа под свод с фонарём и с топором на плече, и лишнего человека сюда бы не пустил.

Под сводом было тепло и пахло хвоей, а светящийся мох на ветвях давал ровный зелёный свет. Слушали здесь только мои деревья, и это место я считал надёжнее любого кабинета.

За широким пнём, служившим нам столом, сидели Лиза, Виктор и Аркадий. Сенька привалился к стволу ели в тени и почти пропал в ней.

Я выложил на пень записку, которую утром привёз из Волгина нарочный графа Бойкова. Подписи на ней не было, зато почерк графа я узнал бы из тысячи.

– Граф держит слово, – сказал я. – Жалобы людей Ржевуцкого тонут у него в канцелярии. Сам он то болеет, то уезжает в имение, то теряет бумаги.

– Это и по лагерю видно, – усмехнулся Виктор. – Там с утра такая ругань стоит, что у моих охотников уши вянут.

– Только дальше хуже, – я разгладил записку на пне. – Граф пишет: «Ржевуцкий понял, что Исток не отдаст воду чужим рукам, пока хозяин леса жив и свободен. Берегите себя, барон. В губернии зашевелились те, кто раньше сидел тихо».

Лиза перестала крутить в пальцах еловую иголку. Виктор нахмурился и положил на пень обе ладони.

Аркадий поднялся из-за пня так резко, что чуть не опрокинул кружку с горячим сбитнем.

– Всеволод Сергеевич, вы обещали, – сказал он. – Почти два месяца назад.

– Обещал вернуть ваш дом, Аркадий Николаевич. Обещал, что быстро?

– От Юлии ни строчки! – голос у него сорвался. – Отцовские люди перекуплены, все до одного. Прислуга, которая ещё была наша, ушла или молчит. А вы тут ломаете казённые сани и смеётесь над стариком в палатке!

– Сядьте, – сказал Виктор.

– Не сяду! А если он обвенчается с ней завтра? Перед Ладеной клятву назад не возьмёшь!

– Пока ему нужна дверь в сокровищницу, Юлия в безопасности, – ответил я. – Дверь пускает только её. А распоряжаться ею он может и без венчания, опека у него уже есть.

– В безопасности? – Аркадий побелел до самых губ. – Она там одна среди его людей, барон! Это моя сестра, а не ключ от двери!

Лиза молча положила ладонь ему на рукав, и он вздрогнул всем телом. Виктор отодвинул от края пня кружку со сбитнем, подальше от его локтя.

Аркадий постоял ещё немного, глядя куда-то в светящийся мох над нашими головами. Потом опустился обратно на чурбак и закрыл лицо руками.

– Простите, – выговорил он глухо. – Отец бы сказал, что дела решают с холодной головой.

– Ваш отец был прав, – ответил я. – А ещё он был бы рад, что вы злитесь. Значит, вы не сдались.

Аркадий отнял руки от лица и кивнул. Глаза у него были сухие и злые.

Я достал из-под тулупа клеёнчатую тетрадь старшего партии и раскрыл её на пне. Почерк в ней был мелкий и аккуратный, писарский.

– «Маги Ковригин и Штольц вышли к лагерю на третьи сутки. Утверждают, что все три ночи ночевали под одной и той же сосной, хотя шли строго на восток», – прочёл я вслух. – «Живомер у ключа вторую неделю показывает ноль. Прибор исправен». – Я перевернул страницу. – «Запрошено из столицы: рам четыре, саней двадцать, лаборантов взамен выбывших шесть. Ответа нет».

– Честно пишут, – хмыкнул Виктор. – Хоть за это спасибо.

– Дальше интереснее.

На последней исписанной странице стояла одна строка, и выведена она была другим почерком, торопливым.

– «Хозяин ходит по лесу без охраны», – прочёл я.

Сенька в тени у ствола выпрямился.

– Это кто ж писал, барин? – спросил он. – У старшего рука другая. Я его каракули знаю.

– Тот, кто читает этот журнал после старшего, – ответил я и закрыл тетрадь. – Лес слушается крови Дубровских, бумагой его не возьмёшь, и Ржевуцкий это сегодня понял окончательно. Значит, путей у него остаётся два.

Я подобрал с земли еловую шишку и положил её на пень.

– Первый. Убрать хозяина. Нет хозяина, нет и защиты, и лес остаётся сиротой.

Рядом с первой я положил вторую шишку.

– Второй. Сменить хозяина. Только для этого лес должен признать над собой силу больше моей. Такой силы сейчас нет ни у Ржевуцкого, ни у кого другого в империи. Нужен именно друид.

Были ещё другие варианты, но менее вероятные, потому я их сразу не рассматривал.

– Значит, второй ему не по зубам, – сказал Виктор.

– Пока не по зубам, – ответил я. – Поэтому он возьмётся за первый.

– Когда? – спросила Лиза.

– Думаю, уже взялся. Ты сама слышала, что он сказал мне у палатки.

Лиза нашла мою руку и сжала её.

Обратно мы пошли затемно, по тропе через ельник, которая выводила к задворкам усадьбы. Впереди шли мы с Лизой, за нами Виктор с Аркадием, а Сенька скользил где-то по теням вдоль тропы.

Снег под ногами скрипел громко, и в морозном воздухе далеко разносился запах дыма от казённых костров у ключа.

На прогалине, где тропа выходила из-под елей к старой изгороди, лес вдруг напрягся. Я почувствовал это через подошвы сапог, раньше, чем успел понять, чего он испугался.

Над тропой, в двух саженях от меня, в воздухе висела стрела. Ни лука, ни стрелка рядом не было, и держалась она сама собой, остриём ко мне, чуть подрагивая.

Висела она здесь давно и ждала, и я понял это по тому, как она дёрнулась, когда я вышел на прогалину. Стрела сорвалась с места и пошла мне прямо в грудь.

Нижняя ветка ели над тропой опустилась быстрее, чем я успел обернуться к Лизе. Стрела с глухим стуком вошла в живое дерево и застряла в ветке на ладонь от моего тулупа.

Хвоя вокруг неё почернела и осыпалась мне под ноги сухим дождём.

– Сева! – Лиза рванула меня за рукав назад.

Виктор оказался рядом раньше, чем она договорила, и закрыл нас обоих спиной. Под его сапогами снег на прогалине вспучился, и земля поднялась невысоким валом вокруг тропы.

– Больше нет, – сказал я, прислушавшись к лесу. – Одна была.

Виктор обхватил древко стрелы и с усилием выдернул её из ветки. Наконечник у стрелы оказался из тёмного металла, без единого клейма.

Я перешёл на второе зрение и осмотрел стрелу внимательнее. Стрела была сплетена из чужой силы, и вся она была заточена на одного-единственного меня.

– Я днём тут ходил, когда от ключа шёл. Не было её. – Сенька вынырнул из тени у изгороди, бледный.

– Значит, повесили после полудня, – сказал Виктор. – Кто-то из его сотен.

Он повернулся ко мне, держа стрелу в кулаке, и лицо у него было тяжёлое.

– Всё, Сева. Больше ты по лесу один не ходишь. Ни к ключу, ни под свод, ни по нужде.

– Я и сегодня шёл не один.

– Ты знаешь, о чём я.

– Знаю, – ответил я. – Только охрана у меня здесь получше твоих охотников, Витя. Ты сам видел, кто её поймал.

– Видел, – Виктор глянул на почерневшую ветку. – А в следующий раз её повесят там, где ёлки нет.

Возразить на это мне было нечего, и я промолчал.

Аркадий стоял позади, и губы у него побелели.

– Отец тоже думал, что у себя дома он в безопасности, – сказал он глухо.

Прежде чем идти дальше, я положил ладонь на кору ели рядом с раной. Отдал ей немного своей магии. Дерево отозвалось мне тупой болью и тёплым упрямым гудением где-то в глубине ствола.

Лиза всё это время держала меня за рукав, и пальцы у неё дрожали. Отпустила она его только у самого крыльца.

Ржевуцкий начал раньше, чем я рассчитывал.

Метель поднялась к ночи, и в окна гостиной швыряло снегом так, что стёкла звенели.

Около одиннадцати Грач постучал ко мне и доложил, что у ворот стоит нарочный в ливрее Шатунова. Егеря намеренно пропустили его до самых ворот, чтобы разглядеть, откуда он приехал и кто с ним.

– Один, барин, – доложил Грач. – Конь загнанный. Тишь его у ворот подержала, как положено, сейчас стоит смирный.

Нарочный вошёл в гостиную весь в снегу, с инеем на усах, и с поклоном протянул мне конверт. Бумага была плотная, с золотым обрезом, и на сургуче темнел знакомый герб.

Виктор отложил на подоконник ружьё, которое чистил весь вечер, а Аркадий оставил кресло у камина и встал у меня за плечом.

Я вскрыл конверт и прочёл письмо вслух.

«Игорь Станиславович Шатунов имеет честь известить барона Всеволода Сергеевича Дубровского, что венчание его с Юлией Николаевной Озёровой перед ликом Ладены состоится послезавтра, в родовой усадьбе Озёровых».

– Послезавтра, – повторил Аркадий так тихо, что я едва его расслышал. – Так скоро, обычно раньше сообщают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.